

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
20 January 2022
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 918/2019* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	А.А. (представлен адвокатами Рут Нордстрём и Ребеккой Альстранд)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата сообщения:</i>	15 февраля 2019 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия решения:</i>	24 ноября 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация в Афганистан
<i>Процедурный вопрос:</i>	степень обоснованности утверждений
<i>Вопрос существа:</i>	угроза применения пыток в случае депортации в страну происхождения (недопустимость принудительного возвращения)
<i>Статья Пакта:</i>	3

1.1 Заявителем является А.А., гражданин Афганистана 1998 года рождения. Он утверждает, что в случае его депортации в Афганистан государство-участник нарушит его права по статье 3 Конвенции. Государство-участник сделало заявление в соответствии с пунктом 1 статьи 22 Конвенции, вступившее в силу 8 января 1986 года. Автор сообщения представлен адвокатами Рут Нордстрём и Ребеккой Альстранд.

1.2 Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, 15 февраля 2019 года в соответствии с правилом 114 (1) своих правил процедуры просил государство-участник не высылать заявителя в Афганистан, пока сообщение находится на рассмотрении Комитета.

Факты в изложении автора

2.1 Заявитель — гражданин Афганистана, родившийся в Исламской Республике Иран у родителей-афганцев. У него никогда не было права на получение иранских документов, удостоверяющих личность, поэтому он не учился в школе. Он ни разу не был в Афганистане. Родители заявителя переехали в Исламскую Республику Иран в

* Принято Комитетом на его семьдесят второй сессии (8 ноября — 3 декабря 2021 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Клод Эллер, Эрдоган Ишджан, Хуавэнь Лю, Ана Раку, Дьего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе, Бахтияр Тузмухамедов и Петер Ведель Кессинг.

1990-х годах из-за угроз со стороны родственников в связи с земельным спором в семье. В 2015 году заявитель и его брат были задержаны иранской полицией, и им сообщили, что их либо отправят воевать в Сирийскую Арабскую Республику, либо депортируют в Афганистан. Семья заявителя не могла вернуться в Афганистан из-за конфликта с родственниками. Поэтому заявитель, его брат и родители в 2015 году бежали в Швецию и 24 ноября 2015 года подали там ходатайство о предоставлении убежища.

2.2 Первоначально в предоставлении убежища им было отказано. В то же время заявитель и его семья познакомились с деятельностью пятидесятнической церкви в Паяле, начали активно участвовать в церковной жизни и получили значительную поддержку от прихожан. Эти события привели заявителя и его брата к принятию христианства, и они прошли обряд крещения. Помимо посещения церкви для богослужений и изучения Библии, братья вошли в группу музыкантов-христиан, говорящих на языке дари, и выступали в церквях по всей северной Швеции.

2.3 Заявитель и его брат в своем ходатайстве о предоставлении убежища указали свое обращение в другую веру в качестве одной из причин, по которым в случае возвращения в Афганистан им будет угрожать опасность. Их ходатайства рассматривались отдельно, и брату заявителя убежище было предоставлено. Его родителям был выдан временный вид на жительство в связи с диагностированным у его отца онкологическим заболеванием последней стадии.

2.4 Шведское миграционное агентство 15 июня 2017 года рассмотрело ходатайство заявителя. В своем решении об отказе в его удовлетворении Агентство заявило, что, учитывая серьезные последствия, которые в Афганистане может иметь его переход в христианство, заявитель должен был тщательно взвесить все риски, связанные с его убеждениями, однако он не смог адекватно объяснить причины, по которым он отказался от ислама и принял христианство. Агентство отметило, что приведенные заявителем аргументы не отражают личного опыта, а скорее представляют собой пространные и невнятные утверждения, в связи с чем был сделан вывод о том, что его обращение в другую веру не было основано на искренних убеждениях. В качестве примера Агентство указало, что на вопрос о том, как он понял, что готов пройти обряд крещения, заявитель ответил, что в качестве подготовки он посетил все собрания и церковные службы. Поэтому Агентство решило, что заявитель не смог продемонстрировать искренности своей веры и что в случае возвращения в Афганистан ему лично не будет угрожать какая-либо опасность из-за его убеждений или семейных обстоятельств. Оно также постановило, что положение в Афганистане не может служить поводом для предоставления временного вида на жительство по гуманитарным соображениям.

2.5 Апелляция заявителя была рассмотрена Судом по миграционным делам 1 августа 2018 года. Суд отказал в удовлетворении апелляции на том основании, что ответы заявителя о причинах его обращения в другую веру были слишком общими и туманными, и что он не представил более подробных разъяснений по этому вопросу ни Шведскому миграционному агентству, ни Суду. Суд постановил, что заявителя, как представляется, интересовал в первую очередь социальный аспект церковной жизни, а его переход в христианство мотивирован скорее его стремлением стать частью общины, нежели духовными побуждениями. Суд пришел к выводу, что, поскольку заявитель не смог продемонстрировать, что обращение в другую религию было основано на искренней вере, он не будет открыто исповедовать христианство в Афганистане и поэтому ему не грозит опасность подвергнуться обращению, которое потребовало бы применения обязательств по защите.

2.6 Вместе с тем одна из председательствующих судей, являющаяся председателем Суда по миграционным делам, вынесла особое мнение, в котором отметила, что оценить искренность религиозных убеждений сложно и что существует множество факторов, из-за которых человеку может быть трудно в краткой форме изложить свои убеждения, независимо от их искренности. Обратив внимание на отсутствие конкретики в некоторых элементах пояснений заявителя, она в то же время констатировала, что он достаточно подробно рассказал сотрудникам Шведского миграционного агентства и суду о своих воззрениях на христианство и о том, чем оно

отличается от ислама. Она также отметила, что он продемонстрировал такое знание христианства, которого и следует ожидать от человека с его образованием. Она особо подчеркнула его понимание существенных различий между исламом и христианством в отношении к женщинам, а также его готовность делиться своей верой с другими. Судья не нашла причин сомневаться в искренности убеждений заявителя и проголосовала за предоставление ему статуса беженца и временного вида на жительство. Ее мнение не получило достаточной поддержки в ходе голосования, и отказ был оставлен в силе. В разрешении на апелляцию также было отказано, поэтому решение о высылке стало окончательным и подлежащим исполнению.

2.7 Заявитель продолжал заниматься религиозной деятельностью и в своем аккаунте в Инстаграм размещал видеозаписи выступлений музыкальной группы, фотографии с церковных мероприятий, на которых он присутствовал, и цитаты из Библии для своих 12 000 подписчиков, в основном говорящих на языке дари. После этого он начал получать угрозы со стороны афганцев и иранцев, о чем сообщил в полицию.

2.8 Заявитель 21 сентября 2018 года подал в миграционные органы заявление с просьбой принять к сведению эти новые обстоятельства в контексте его ходатайства о предоставлении убежища. Он утверждал, что эти угрозы в новом свете представляют опасность, с которой он столкнется в Афганистане, и поэтому неизменно являются препятствием для его высылки в соответствии с Законом об иностранцах. Исполнение постановления о высылке было приостановлено до вынесения решения по этому заявлению Судом по миграционным делам. Заявитель представил экранные снимки своих аккаунтов в социальных сетях и переписки с родственником, в которой последний угрожает ему из-за отказа от веры. Он также сообщил о других угрозах, которые он удалил со своих страниц в социальных сетях. В своем решении от 2 февраля 2018 года Суд постановил, что представленные факты не являются новыми обстоятельствами, а скорее изменениями или дополнениями к уже рассмотренным заявлениям о том, что в Афганистане известно о его переходе в христианство, в отношении которых уже был сделан вывод в окончательном решении. Поэтому его заявление было отклонено, приостановление высылки отменено, а в разрешении на апелляцию отказано.

2.9 Заявитель утверждает, что при рассмотрении его ходатайства о предоставлении убежища были допущены процессуальные нарушения, на которые неоднократно указывало гражданское общество как на общие недостатки системы предоставления убежища. В частности, в деле заявителя лица, принимавшие решение, первоочередное внимание уделили уровню его теоретических знаний о религии, а не его личной вовлеченности в религиозную жизнь церковной общины, которая приняла его и с которой он ассоциировал христианство. Обращение в другую религию *sur place* (в стране пребывания) вызывает подозрения, при этом его искренность оценивается по чрезмерно жестким критериям, что практически сводит к минимуму вероятность успешного рассмотрения ходатайства. В случаях, подобных рассматриваемому, — и это подтверждается стенограммами заседаний — от заявителей ожидают краткого объяснения его религиозных воззрений, по которым они выбрали именно эту веру или секту, предлагая ответить на закрытые вопросы с одним вариантом правильного ответа. При этом не учитываются эмоциональные, культурные, социально-экономические и сугубо личностные причины выбора той или иной веры, способ ее проявления и эволюция убеждений со временем, а также то, что объяснить эти очень личные моменты в стрессовых условиях крайне сложно. В случае несоблюдения этих необъективных и в высшей степени ограничительных критериев человека признают не заслуживающим доверия и, как следствие, любые факты, приведенные в поддержку искренности его убеждений, не имеют доказательной силы и по факту игнорируются. Что касается автора сообщения, то на момент приезда в Швецию он был необразованным и неграмотным и не имел опыта обсуждения таких сложных религиозных материй. Поэтому был сделан вывод о том, что его словам нельзя верить. Показания же тех, кто лучше всего мог судить об искренности его суждений, попросту не были услышаны.

2.10 Заявитель отмечает, что после того, как был сделан вывод о недостоверности его утверждений, вопрос об угрозе, с которой он столкнется в Афганистане, больше не обсуждался. Безотносительно мнения государства-участника об искренности его мотивов смены веры, оно не учло того обстоятельства, что активность заявителя в социальных сетях хорошо известна в Афганистане, что подтверждается поступающими в его адрес угрозами. Поэтому государство-участник не смогло в достаточной степени оценить риск, который грозит ему в Афганистане — втором по уровню опасности для христиан месте в мире, где они, как известно, подвергаются жесточайшим преследованиям. Реальные цифры не известны, но представители других религий, кроме ислама, составляют менее 0,3 процента населения. Вероотступничество, т. е. отказ от ислама в пользу другой религии или атеизма, считается в Афганистане тягчайшим преступлением — «худуд». Поэтому вероотступники не могут быть помилованы, а отказ раскаяться или совершение после раскаяния действий, которые могут нести в себе признаки вероотступничества, караются смертной казнью. Для обвинения в вероотступничестве не обязательно переходить в христианство или быть атеистом. Под определение этого преступления подпадают различные действия, такие как отрицание ислама и его пяти столпов или того, что Мухаммед является последним пророком. По словам заявителя, согласно многим источникам, еще большая угроза для предполагаемых вероотступников исходит от их собственной семьи и общины. Существуют документально подтвержденные случаи внесудебных убийств или убийств «в защиту чести» за предательство веры. Заявитель утверждает, что государство-участник не исследовало ни одного из этих элементов после того, как на основании его устных показаний пришло к выводу о том, что он не заслуживает доверия.

2.11 Брат заявителя получил вид на жительство и статус беженца в связи с его обращением в христианство, которое было признано подлинным. В противоположность этому, поскольку заявитель не соответствует произвольно установленным критериям, которые, по мнению властей государства-участника, должны подтверждать истинность религиозных убеждений, ему будет отказано в праве общаться и ассоциировать себя с другими христианами, в таинстве молитвы, возникающей в процессе совместного богослужения и отправления религиозных обрядов, а также в общинной поддержке и возможности выражать свои вероубеждения. Вместо этого он в случае депортации подвергнется серьезному личному риску, в частности, из-за его деятельности в стране пребывания после его перехода в другую веру, о котором известно в Афганистане. К тому же невыполнение строгих социальных и религиозных каждодневных предписаний будет представлять собой постоянную угрозу его жизни.

Жалоба

3. Заявитель утверждает, что по возвращении в Афганистан ему будет угрожать реальная, серьезная и личная опасность для его жизни, и что поэтому его депортация без проведения тщательной оценки в соответствии с международными стандартами будет равносильна нарушению государством-участником статьи 3 Конвенции.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 4 сентября 2019 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения.

4.2 Во-первых, государство-участник информирует Комитет, что в соответствии со статьей 22 (1) раздела 12 Закона об иностранцах срок действия постановления о высылке, которое не было издано судом общей юрисдикции, истекает через четыре года после того, как оно становится окончательным и не подлежащим обжалованию. Таким образом, решение о высылке заявителя утрачивает силу 2 февраля 2022 года.

4.3 Государство-участник полагает, что утверждение заявителя о том, что в случае возвращения в Афганистан он рискует подвергнуться обращению, которое будет равносильно нарушению государством-участником статьи 3 Конвенции, не соответствует минимальному уровню обоснованности, необходимому для целей

приемлемости. Государство-участник считает данное сообщение явно необоснованным и неприемлемым согласно пункту 2 статьи 22 Конвенции и правилу 113 b) правил процедуры Комитета¹.

4.4 Даже если Комитет признает сообщение приемлемым, жалоба не имеет под собой оснований и не указывает на нарушение Конвенции, поскольку заявитель не смог аргументированно подтвердить свои утверждения о том, что его высылка в Афганистан нарушит статью 3 Конвенции из-за риска, которому он подвергается как новообращенный христианин или как лицо, которому приписывают христианские убеждения, в случае его возвращения в эту страну.

4.5 Государство-участник ссылается на практику Комитета, согласно которой при определении наличия серьезных оснований полагать, что принудительное возвращение лица в другое государство подвергнет это лицо такой опасности пыток, которая представляет собой нарушение статьи 3 Конвенции, Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, включая наличие в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека². Вместе с тем Комитет также подчеркивает, что целью такого определения является установление того, будет ли соответствующему лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам в стране, куда оно подлежит возвращению. Следовательно, наличие практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в той или иной стране не является само по себе достаточным основанием для вывода о том, что соответствующему лицу будет угрожать такая опасность. Для обвинения в нарушении статьи 3 Конвенции необходимо наличие дополнительных оснований, свидетельствующих о том, что опасность такого обращения будет угрожать лично данному лицу³.

4.6 Наряду с этим государство-участник ссылается на позицию Комитета, согласно которой бремя доказывания возлагается на заявителя, который должен представить убедительные аргументы в подтверждение того, что опасность подвергнуться пыткам является для него предсказуемой, существующей, личной и реальной. Кроме того, при оценке степени риска применения пыток должны приниматься во внимание факторы, выходящие за рамки одних лишь умозрительных предположений или подозрений, хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности⁴.

4.7 Государство-участник ссылается на информацию, предоставленную Совету по правам человека, в которой отмечаются широко признанные достижения в области прав человека в Афганистане⁵. Хотя государство-участник не склонно недооценивать выражаемую законную обеспокоенность в отношении текущей ситуации в области прав человека в Афганистане, оно не видит оснований не доверять оценке своих миграционных властей, согласно которой текущая ситуация в стране не может считаться таковой, что существует общая необходимость защиты всех просителей убежища из этой страны. Поэтому автор должен доказать, что в случае возвращения в Афганистан ему лично будет угрожать реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Государство-участник отмечает, что национальные миграционные власти и суды оценили сложившуюся ситуацию с правами человека в Афганистане в свете индивидуальных обстоятельств заявителя и пришли к выводу, что он не смог обосновать своего утверждения о потребности в международной защите.

4.8 Государство-участник обращает внимание Комитета на положения Закона об иностранцах, которые отражают принципы, лежащие в основе статьи 3 Конвенции. Таким образом, оно утверждает, что миграционные власти страны применяют при

¹ Например, *Х.И.А. против Швеции* (CAT/C/30/D/216/2002), п. 6.2.

² Конвенция, пункт 2 статьи 3.

³ Например, *Э.Х.В.М. против Швеции* (CAT/C/31/D/213/2002), п. 8.3; и *А.Б. против Швеции* (CAT/C/54/D/539/2013), п. 7.3.

⁴ Например, *Х.О. против Швеции* (CAT/C/27/D/178/2001), п. 13; *А.Р. против Нидерландов* (CAT/C/31/D/203/2002), п. 7.3; и *Калонзо против Канады* (CAT/C/48/D/343/2008), п. 9.3.

⁵ См. <https://www.state.gov/reports/2018-country-reports-on-human-rights-practices/afghanistan/>.

рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища те же критерии, которые используются для оценки жалоб в соответствии с Конвенцией. Оно также утверждает, что такие критерии были применены в деле заявителя, о чем свидетельствует ссылка на статьи 1 и 2 раздела 4 Закона об иностранцах при рассмотрении ходатайства заявителя о предоставлении убежища в национальных органах власти.

4.9 Кроме того, государство-участник отмечает, что при определении риска, которому подвергается лицо в ходе такого разбирательства, национальные власти имеют возможность оценить представленную им информацию, и в частности обладают преимуществом в том, что могут оценить достоверность заявлений и утверждений заявителя. В связи с этим и Шведское миграционное агентство, и Суд по миграционным делам досконально изучили дело заявителя в соответствии с этими стандартами.

4.10 В качестве дополнительной информации государство-участник подтверждает, что 5 декабря 2015 года Шведское миграционное агентство провело ознакомительное собеседование с заявителем в связи с его ходатайством о предоставлении убежища, а 15 июня 2017 года было проведено расширенное собеседование о предоставлении убежища в присутствии государственного адвоката заявителя. После этого стенограмма была передана его адвокату для представления замечаний. По результатам общей индивидуальной оценки Агентство посчитало, что заявитель не смог убедительно доказать, что его обращение в христианство основано на искренних личных религиозных убеждениях и что после возвращения в Афганистан он будет жить как новообращенный христианин. Как, в частности, отметило Агентство, заявитель не смог объяснить, почему он решил отказаться от ислама и что для него лично означает христианство. Кроме того, он смог лишь в общих чертах ответить на вопрос о том, как переход в христианство повлиял на его жизнь, и не смог связать предоставленную им информацию с какими-либо событиями, которые он пережил. Он также сказал, что не знал о рисках, которые может повлечь за собой смена религии, и заявил, что такие риски в любом случае не имеют для него значения. Агентство также сочло, что рассказ заявителя о значении крещения в христианстве, а также для него лично, носит общий характер. Он не смог объяснить, почему для крещения он выбрал именно это время. В ответ на вопросы о том, почему он решил быть именно протестантом и в чем смысл протестантизма, заявитель только спросил, почему этот момент имеет значение, и не смог объяснить смысл протестантизма. Поэтому Агентство заключило, что заявитель не смог подробно объяснить, почему он выбрал христианство и протестантскую ветвь христианства, и пришло к выводу, что он не смог убедительно продемонстрировать, что в Афганистане он лично подвергнется угрозе и что ситуация в области безопасности там такова, что это обуславливает общую необходимость защиты всех просителей убежища из этой страны. Ходатайство заявителя было отклонено.

4.11 Заявитель подал апелляцию в Суд по миграционным делам, и в ходе рассмотрения апелляции он смог присутствовать лично и давать показания. Слушания проводились с помощью переводчика. В своей индивидуальной общей оценке Суд поддержал заключение Шведского миграционного агентства, поскольку счел, что заявитель не смог убедительно доказать, что он обратился в другую веру из искренних личных религиозных убеждений. Суд постановил, в частности, что, несмотря на серьезные последствия решения о переходе из ислама в христианство, заявитель смог дать лишь туманные и общие ответы о том, почему он решил перейти в христианство, и не смог внятно изложить причин своего поступка. Было сочтено, что его знания о христианстве носят поверхностный характер. Суд, не ставя под сомнение упомянутую заявителем церковную деятельность, определил, что его рассказ скорее свидетельствует о его благодарности за социальную поддержку, которую он получает от церкви. Суд пришел к выводу, что заявитель не смог убедительно продемонстрировать, что в Афганистане он не сможет жить как христианин и что другие люди в Швеции или Афганистане считали его христианином. В свете этого Суд постановил, что заявитель не продемонстрировал, что в Афганистане ему угрожает опасность, которая обязывала бы государство-участник обеспечить защиту.

4.12 В этой связи государство-участник отмечает, что в деле, рассматриваемом Шведским миграционным агентством с участием переводчика и государственного адвоката, заявителю было предложено ознакомиться со стенограммой собеседования до начала слушания и представить письменные замечания для исправления неточностей. Ему также было предложено представить письменные материалы в поддержку своей апелляции после слушания. Таким образом, у заявителя было несколько возможностей представить все соответствующие факты и внести необходимые исправления. В обоих случаях принимающие решения органы имели в своем распоряжении достаточно фактов и документов, чтобы обеспечить проведение обоснованной, прозрачной и разумной оценки риска в отношении потребности заявителя в защите.

4.13 В этом контексте государство-участник ссылается на правовую практику Комитета, согласно которой значительный вес должен придаваться основанным на фактах выводам, сделанным органами соответствующего государства-участника⁶. Оно также цитирует решения Комитета, в которых ясно указано, что оценивать факты и доказательства по конкретному делу должны внутренние суды государств — участников Конвенции, а не Комитет, если только не будет установлено, что способ оценки таких фактов и доказательств был явно произвольным или равносильным отказу в правосудии⁷.

4.14 Учитывая вышесказанное и тот факт, что Шведское миграционное агентство и суды Швеции по миграционным делам являются специализированными органами в области права и практики в сфере предоставления убежища, государство-участник заявляет, что нет никаких оснований для вывода о том, что их решения являются неадекватными или произвольными либо равносильны отказу в правосудии. Поэтому решения, в которых сделан вывод, что высылка заявителя в Афганистан не подвергает его личному риску, как это предусмотрено Конвенцией, должны иметь значительный вес.

4.15 В отношении утверждения заявителя о том, что в Афганистане ему грозит обращение, противоречащее статье 3 Конвенции, как новообращенному христианину, и что о его переходе в другую веру стало известно в Афганистане через социальные сети, о чем свидетельствуют полученные им угрозы, что, по его словам, создает для него риск подвергнуться обращению, противоречащему статье 3, государство-участник отмечает, что заявитель не смог убедительно продемонстрировать, что принятие им христианства было мотивировано истинными религиозными убеждениями, и поэтому не заслуживает доверия.

4.16 Государство-участник утверждает, что заявитель фактически хочет использовать Комитет в качестве суда четвертой инстанции, чтобы изменить заключение о признании неискренности его христианских убеждений. Оно напоминает, что такие вопросы не относятся к компетенции Комитета, когда, как в данном случае, отсутствуют основания для заключения о том, что внутренние решения обладают процессуальными недостатками, которые делают решение произвольным или иным образом равносильным отказу в правосудии.

4.17 Государство-участник признает, что имеется информация о стране, позволяющая предположить, что лица, которые возвращаются в Афганистан после выхода из мусульманства или перехода в другую религию в ходе процедуры предоставления убежища, подвергаются реальному риску преследования и, таким образом, заслуживают международной защиты. На этих просителей убежища ложится бремя доказывания, что их обращение в другую веру произошло в результате подлинных религиозных чувств. Однако одного лишь заявления о переходе в другую веру недостаточно, чтобы сделать вывод о существовании реального риска преследования.

⁶ *Н.З.С. против Швеции* (CAT/C/37/D/277/2005), п. 8.6; *Н.С. против Швейцарии* (CAT/C/44/D/356/2008), п. 7.3; и *С. К. и др. против Швеции* (CAT/C/54/D/550/2013), п. 7.4.

⁷ Например, *Г.К. против Швейцарии* (CAT/C/30/D/219/2002), п. 6.12.

4.18 Государство-участник утверждает, что национальные власти провели оценку дела автора в соответствии с Руководством Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) по процедурам и критериям определения статуса беженцев согласно Конвенции 1951 года и Протоколу 1967 года, касающихся статуса беженцев, а также прецедентной практикой Апелляционного суда по миграционным делам⁸. Была проведена общая оценка обстоятельств, связанных с принятием автором христианства, с целью установить, действительно ли он намеревается жить в Афганистане как христианин. Был принят во внимание тот факт, что предполагаемое обращение в христианство произошло на территории Швеции и, таким образом, не является продолжением религиозных взглядов, которых он придерживался до прибытия в государство-участник. По этой причине вопросу о правдивости и истинности принятия заявителем другой веры было уделено особое внимание.

4.19 В соответствии с руководящими принципами УВКБ ООН Суд по миграционным делам провел устное слушание для изучения характера религиозных воззрений заявителя, его знакомства с христианством, любых религиозных убеждений, которых он придерживался до или после смены веры, возможного негативного отношения к своей прежней религии и верованиям, а также проявления его веры в его личной жизни и участии в связанной с церковью деятельности, включая свидетельство о крещении и показания свидетелей в поддержку его утверждений. Вопреки утверждениям заявителя в Комитете, национальные власти при оценке приняли во внимание все предоставленные документы. Они не оспаривали факт крещения заявителя и участия в церковных мероприятиях. Вместе с тем, в соответствии со сложившейся внутренней прецедентной практикой, эти материалы не были признаны достаточными для обоснования утверждения о том, что принятие заявителем христианства было продиктовано его внутренними и искренними духовными побуждениями⁹.

4.20 После того, как Суд по миграционным делам отклонил его апелляцию, решение о высылке заявителя стало окончательным и вступившим в законную силу. В то время заявитель подал ходатайство о повторном изучении его права на получение статуса беженца в соответствии со статьями 18 и 19 раздела 12 Закона об иностранцах на основании новых обстоятельств, связанных с его предполагаемой сменой веры, которые появились в последующий период, и факта получения членами его семьи вида на жительство в Швеции.

4.21 В этом контексте государство-участник отмечает, что его органы не могут ни пересмотреть решение, принятое вышестоящим органом, ни проверить точность оценок, проведенных вышестоящим органом. Вопрос о выдаче вида на жительство может быть рассмотрен на стадии исполнения решения только в том случае, если иностранец сообщает о новых обстоятельствах, которые являются сохраняющимися препятствием для исполнения решения¹⁰. Материалы, представленные заявителем в качестве новых обстоятельств, не были сочтены подпадающими под понятие новых обстоятельств, определенных в Законе об иностранцах. Кроме того, поскольку заявитель был совершеннолетним и его ходатайство о предоставлении убежища рассматривалось отдельно от ходатайств членов его семьи, не было признано неразумным высылать его в Афганистан, даже несмотря на то, что члены его семьи по различным основаниям получили временный вид на жительство в Швеции. Таким образом, не было представлено никаких новых обстоятельств, выявляющих сохраняющееся препятствие для исполнения решения, и, следовательно, не было никаких оснований для повторного рассмотрения дела заявителя.

4.22 Заявитель обжаловал это решение в Суде по миграционным делам, который постановил, что предполагаемый переход заявителя в христианство уже был

⁸ См. Migration Court of Appeal, case No. MIG 2011:29, Judgment.

⁹ Там же. Апелляционный суд по миграционным делам установил, что общие заявления о чьих-либо убеждениях не могут иметь решающей доказательной силы.

¹⁰ То есть риск того, что иностранец будет подвергнут смертной казни, пыткам или преследованию (Закон об иностранцах, разд. 12, ст. 1–3).

предметом рассмотрения в миграционных органах. Доказательства, лишь дополнительно подтверждающие то же утверждение, не были новыми по смыслу статьи 19 раздела 12 Закона об иностранцах, которая запрещает вносить изменения или дополнения в первоначальное изложение обстоятельств.

4.23 Описанные автором обстоятельства, касающиеся его собственного здоровья и здоровья членов его семьи, не имеют отношения к заявленной им потребности в международной защите. В любом случае, гуманитарная ситуация заявителя не являлась настолько исключительной, чтобы потребовать повторного рассмотрения вопроса о необходимости оставления его в государстве-участнике. На этом основании Суд по миграционным делам отклонил апелляцию.

4.24 Государство-участник далее отмечает утверждения заявителя о системных недочетах процедуры предоставления убежища в государстве-участнике и ссылается на статью, представленную в поддержку этого утверждения различными прихожанами. Государство-участник заявляет, что эта статья содержит общие сведения, которые, будучи достоянием общественности, в любом случае были изучены властями. Поскольку данная статья не имеет никакого отношения к личному делу заявителя, она ничего не добавляет к вопросу, рассматриваемому Комитетом. Государство-участник вновь обращает внимание на то, что национальные органы имеют больше возможностей для оценки предполагаемых рисков, которым подвергаются лица в результате различной деятельности, включая размещение сообщений в социальных сетях, чем авторы статьи, которые не знакомы с людьми, на которых они ссылаются.

4.25 Государство-участник еще раз заявляет, что все утверждения заявителя были всесторонне изучены, однако не были признаны подтверждающими их истинность и личную религиозную убежденность. Исходя из этого, оно утверждает, что нет никаких оснований для вывода о том, что внутреннее разбирательство в национальных органах было ненадлежащим и что принятые решения были в каком-либо аспекте произвольными или равносильными отказу в правосудии. Поскольку Комитет не является судом четвертой инстанции и не имеет возможности выслушать показания заявителя и оценить правдоподобность его слов, чтобы дать полностью обоснованную оценку его правдивости, он должен придать существенный вес заключениям принимающих решения лиц, которые имели возможность провести тщательное расследование. Поэтому государство-участник утверждает, что оснований для повторной оценки фактов и информации de novo не имеется.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

5.1 Заявитель 7 января 2020 года представил свои комментарии.

5.2 В отношении утверждения о том, что жалоба неприемлема ввиду явной необоснованности, заявитель настаивает, что он полностью обосновал свои претензии, и поэтому сообщение является приемлемым.

5.3 Он повторяет свое утверждение о том, что его заявления об опасности, которой подвергаются в Афганистане лица, перешедшие в христианство, документально полностью подтверждены. Он ссылается на информацию о стране, согласно которой христианство исповедуют только 0,3 процента населения. Кроме того, их истинное число неизвестно, поскольку христиане вынуждены скрывать свою веру, опасаясь угрожающих жизни репрессий. Согласно докладу 2017 года, Афганистан занимает второе место в мире по уровню опасности для христиан, которые сталкиваются с жесточайшими преследованиями, и в частности рискуют стать мишенью для общества¹¹. Таким образом, он показал, что, как человек, исповедующий христианство, — он подтвердил это и своими собственными доказательствами и показаниями свидетелей — в Афганистане он столкнется с серьезным риском подвергнуться обращению, которое представляет собой пытки, а это означает, что

¹¹ См. <https://lifos.migrationsverket.se/dokument?documentSummaryId=40679>.

государство-участник обязано в соответствии со статьей 3 Конвенции не высылать, не возвращать и не экстрадировать его в эту страну.

5.4 Заявитель согласен с государством-участником в том, что существо его утверждений сводится к тому, имеются ли существенные основания полагать, что в Афганистане ему угрожает предсказуемая, существующая, личная и реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему Конвенции. Учитывая установленное обстоятельство, что обращение, с которым сталкиваются христиане в Афганистане, соответствует необходимым критериям, что, по-видимому, не оспаривается, вопрос заключается в том, была ли оценка, проведенная государством-участником в его конкретном деле, достаточно надежной для определения уровня риска, которому он подвергается, и, следовательно, обязано ли оно предоставить ему международную защиту.

5.5 Как утверждает заявитель, миграционные органы государства-участника не смогли надлежащим образом оценить этот риск, поскольку установили неоправданно жесткие критерии для проверки подлинности факта принятия им христианства — а это, по сути, означает, что решения внутренних инстанций практически целиком зависели от его способности предоставить убедительные устные и письменные аргументы, касающиеся его личных мотивов и религиозных воззрений. Был сделан вывод, что утверждения заявителя не заслуживают доверия, в результате чего показания свидетелей, представленные в поддержку его утверждений, были признаны не имеющими доказательной силы. Он также утверждает, что приоритетное значение, которое власти придали уровню его теологической подкованности, прямо противоречит содержащему толкование руководству по правовым аспектам предоставления статуса беженца по религиозным мотивам, изданному УВКБ ООН¹². В этом руководстве четко указано, что доскональное знание заявителем своей религии совсем не обязательно связано с его искренней верой, и что вместо этого часто более уместно и полезно, и даже может быть необходимо, выяснить информацию о религиозном опыте или образе жизни человека в ходе опроса в повествовательной форме, в том числе с использованием вопросов открытого типа, предполагающих ответ в произвольной форме, которые позволяют заявителю объяснить персональную значимость религии именно для него. Как видно из дела заявителя, закрытые вопросы полезны только для получения ответов предписывающего характера, в результате чего интервьюер может проводить оценку только по ожидаемым ответам, вместо того, чтобы дать возможность принимающему решение лицу получить более глубокое понимание тех многих аспектов, в которых вера может проявляться в жизни данного человека.

5.6 Заявитель вновь повторяет свое утверждение о том, что власти не смогли надлежащим образом оценить ситуацию с правами человека в Афганистане в контексте его личных обстоятельств. Он отмечает, что в Афганистане главенствующей правовой системой является шариат. По шариату наказания за преступления в категории «хууд», которые считаются наиболее тяжкими, не подлежат смягчению. В случае вероотступничества, которое карается смертной казнью, дается период на размышление, чтобы дать человеку возможность раскаяться. Однако лица, которые продолжают противоправное поведение, подвергаются казни. Отступничество от веры не ограничивается сменой религии или переходом к атеизму — оно также включает в себя множество других действий, например высказывания, которые истолковываются как осуждение ислама и его пяти столпов или отрицание того, что Мухаммед является последним пророком. Отказ от раскаяния или, если оно было сделано, неспособность убедить других в его искренности карается смертной казнью.

5.7 Кроме того, люди, не придерживающиеся строго определенных социальных, культурных и религиозных нравов, сразу же вызывают подозрение у окружающих, что само по себе создает серьезный риск преследования в виде публичной дискредитации,

¹² УВКБ ООН, «Руководство по международной защите: заявления о предоставлении статуса беженца по религиозным мотивам в соответствии со статьей 1А (2) Конвенции 1951 года и/или Протоколом 1967 года, относящимся к статусу беженца», документ HCR/GIP/04/06, 28 апреля 2004 года, статья 29.

физических нападениях и доносов властям. Заявитель повторяет, что государство-участник не изучило последствий его повседневной религиозной практики, сосредоточившись лишь на последствиях в Афганистане, связанных с подозрением в принятии христианства. Это не отражает обязательств государства-участника по Конвенции и не соответствует стандартам, установленным внутренним законодательством, которое запрещает депортацию в страну, где человеку грозит телесное наказание, смертная казнь или преследование, а также опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

5.8 Заявитель также утверждает, что, несмотря на представленные им новые доказательства в виде экранных снимков его сообщений в Интернете и связанных с ними угроз убийством, которые он получил после завершения процедуры предоставления убежища, — что, как он утверждает, явно доказывает наличие новых обстоятельств, представляющих собой сохраняющееся препятствие для высылки, поскольку доказательства угроз не могли быть представлены ранее — судебные органы отказались рассматривать эти доказательства по той причине, что они были связаны с первоначальным заявлением и, следовательно, считаются дополнением к нему.

5.9 Поэтому заявитель подчеркивает, что он все время представлял четко обоснованные претензии, которые были отклонены на основании его устных показаний. Таким образом, государство-участник не выполнило своего обязательства тщательной оценки опасности, которой он подвергается как новообращенный христианин, публично распространявший информацию о своих религиозных убеждениях и, соответственно, получавший угрозы еще даже до депортации.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 Государство-участник 7 апреля 2020 года отметило, что комментарии заявителя по существу не добавляют ничего нового к жалобе.

6.2 Государство-участник оспаривает приобщение заявителем к делу подготовленного религиозными организациями доклада о системных процедурных недочетах, присущих процессу предоставления убежища в государстве-участнике, на том основании, что эта информация носит общий характер и не относится к делу заявителя. Оно утверждает, что этот доклад не следует принимать во внимание. Оно также оспаривает включение заявителем в разбирательство статей (государство-участник не уточняет, каких именно), которые не были представлены национальным властям в рамках внутреннего разбирательства по конкретному делу заявителя, поскольку любые претензии в этом отношении являются неприемлемыми на основании исчерпания внутренних средств правовой защиты.

6.3 Государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым и что заявитель не смог доказать по существу, что внутригосударственное разбирательство характеризовалось произволом или что имелись элементы, которые власти не оценили или не учли. Следовательно, ничто в данной жалобе не позволяет сделать вывод о том, что заявителю угрожает реальный, личный и предсказуемый риск подвергнуться обращению, противоречащему Конвенции, или что в случае его депортации государство-участник нарушит свои обязательства по Конвенции.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен решить, является ли оно приемлемым согласно статье 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

7.2 В соответствии с пунктом 5 б) статьи 22 Конвенции Комитет не будет рассматривать жалобу, пока не убедится в том, что представившее ее лицо исчерпало

все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что «статьи», представленные Комитету заявителем и содержащие общую информацию, не относящуюся к его персональному делу, не были ранее представлены властям для внутреннего рассмотрения. Комитет далее отмечает, что, хотя государство-участник не указывает конкретную информацию, на которую оно ссылается, его озабоченность, как представляется, касается именно общего характера информации, при этом оно не оспаривает того факта, что все утверждения заявителя в отношении его индивидуального ходатайства о предоставлении убежища прошли процедуры внутреннего рассмотрения, а также того факта, что он исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты в связи с этими индивидуальными ходатайствами. Поэтому Комитет считает, что, исключив из рассмотрения утверждения общего характера, являющиеся публичной информацией, ничто не препятствует рассмотрению им этой жалобы в соответствии пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции.

7.3 Государство-участник заявляет, что данное сообщение неприемлемо как явно необоснованное. Тем не менее Комитет считает, что в связи с аргументами заявителя возникают предметные вопросы, которые следует рассмотреть по существу. Соответственно, Комитет объявляет сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

8.2 В настоящем деле Комитет должен решить, станет ли возвращение автора в Афганистан нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать («refouler») какое-либо лицо в другое государство, если имеются серьезные основания полагать, что там ему или ей может угрожать применение пыток.

8.3 Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения в Афганистан заявителю лично будет угрожать опасность применения пыток. При оценке такой опасности Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, вытекающие из пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что цель такого анализа состоит в том, чтобы установить, будет ли предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам в стране, в которую оно должно быть выслано, угрожать соответствующему лицу лично. Следовательно, наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что соответствующему лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом его конкретных обстоятельств.

8.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017), согласно которому Комитет будет оценивать «серьезные основания» и будет считать опасность применения пыток предсказуемой, личной, существующей и реальной, если наличие достоверных фактов, касающихся непосредственно опасности, на момент принятия им решения будет затрагивать права заявителя по Конвенции в случае его депортации. Факторы опасности, угрожающей лично заявителю, могут включать, не ограничиваясь этим, следующие: а) этническое происхождение заявителя; б) политическую принадлежность или политическую деятельность заявителя и/или членов его семьи; в) арест и/или задержание без гарантии справедливого обращения и судебного разбирательства; г) заочное вынесение приговора; и е) предыдущее применение пыток (п. 45). В отношении существа сообщения, представленного в соответствии со статьей 22 Конвенции, бремя доказывания возлагается на автора сообщения, который должен представить аргументированное изложение дела, т. е. убедительные доводы в

подтверждение того, что опасность подвергнуться пыткам является для него предсказуемой, существующей, личной и реальной (п. 38). Комитет также напоминает, что он придаст большое значение заключениям по фактической стороне дела, подготовленным органами соответствующего государства-участника; тем не менее Комитет не считает себя связанным такими заключениями, поскольку может свободно осуществлять оценку имеющейся в его распоряжении информации в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции, принимая во внимание все обстоятельства, относящиеся к каждому делу (п. 50).

8.5 Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что имеются серьезные основания полагать, что после высылки в Афганистан он подвергнется пыткам и жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. Он утверждает, что этот риск связан с распространенной на платформах социальных сетей информацией, просмотренной 12 000 говорящих в основном на языке дари его подписчиков в Инстаграм, касающейся его перехода в христианство и другого христианского контента. Этот риск, по всей видимости, будет возрастать по мере дальнейшего распространения этой информации с помощью таких платформ, о чем свидетельствуют угрозы, которые он уже получил в качестве прямого результата своей активности в Интернете. Он заявляет, что в контексте имеющейся о стране информации, касающейся обращения с перешедшими в христианство лицами в Афганистане, он ясно показал, что его переход в другую религию, основанный на искренней вере, создает серьезный риск обращения, противоречащего Конвенции, который власти государства-участника не смогли оценить из-за чрезмерно инструктивного и ограниченного понимания эволюции и проявления личных убеждений. Он утверждает, что из-за такого ограничительного толкования было вынесено отрицательное заключение об истинности его обращения исключительно на основании его устных показаний, что привело к дальнейшему исключению из рассмотрения всех подтверждающих доказательств по делу, в целом, в контексте его образовательного и культурного уровня. В свете вышесказанного его высылка в Афганистан будет представлять собой нарушение государством-участником обязательств по статье 3 Конвенции.

8.6 Комитет также отмечает утверждения государства-участника о том, что все жалобы заявителя были рассмотрены объективно и были должным образом изучены его специализированными миграционными агентствами, которые имеют опыт и специальные знания в вопросах предоставления убежища и располагали возможностями рассмотреть всю предоставленную им информацию, включая устные показания заявителя в обоих случаях. Тем не менее эти органы пришли к выводу, что показания заявителя были слишком туманными и общими в плане причин его обращения в другую веру и не указывали на серьезное переосмысление, которого должно было потребовать такое решение, если бы заявитель действительно был мотивирован изменением своей системы убеждений. Заявитель не смог развить своих идей, выделить важные элементы христианской символики, объяснить, почему его влекло именно к протестантизму или почему он отверг ислам. Поэтому агентства сочли версию событий заявителя недостаточно достоверной и пришли к выводу о том, что обращение не было основано на искреннем религиозном убеждении. Они не оспаривали факта самого крещения или того, что заявитель посещал церковь и другие мероприятия, но при этом не сочли, что показания других свидетелей могут устранить слабость в показаниях самого заявителя в отношении искренности обращения в другую веру. В этом контексте власти пришли к выводу, что у заявителя не было бы мотива продолжать исповедовать христианство в Афганистане, и поэтому он не рисковал вызвать подозрения и подвергнуться преследованиям в результате этого шага. Комитет отмечает утверждение государства-участника в отношении того, что дело заявителя было тщательно рассмотрено и что все процессуальные гарантии были соблюдены. Комитет также принимает к сведению заявления государства-участника о том, что ничто в настоящей жалобе не позволяет сделать вывод о том, что заявитель подвергнется серьезному личному риску в случае возвращения в Афганистан, и, таким образом, нет никаких доказательств нарушения государством-участником своих международных обязательств.

8.7 Комитет отмечает, что в соответствии с рекомендацией УВКБ ООН в отношении невысылки¹³ Шведское миграционное агентство с 16 июля 2021 года приостановило все депортации в Афганистан и больше не выносит решений об отказе в предоставлении убежища афганцам¹⁴. Поэтому Комитет уверен, что после отмены запрета на высылку ранее отклоненные ходатайства афганцев о предоставлении убежища будут заново рассмотрены в контексте сложившегося положения с правами человека в Афганистане на конкретный момент.

8.8 С учетом вышесказанного Комитет ограничится изучением процедурных вопросов рассмотрения претензий заявителя. Во-первых, Комитет отмечает, что государство-участник напоминает, что бремя доказывания лежит на заявителе, который должен обосновать свою жалобу в соответствии с руководством УВКБ ООН. Во-вторых, Комитет отмечает далее, что в руководстве развивается этот главный правовой принцип, указывая на то, что обязанность по установлению и оценке всех соответствующих фактов разделяется между заявителем и проверяющим и что в некоторых случаях проверяющий может использовать все средства, имеющиеся в его или ее распоряжении, для получения необходимых доказательств в поддержку ходатайства.

8.9 Заявитель дал устные показания Шведскому миграционному агентству на собеседовании по существу дела 15 июня 2017 года — на тот момент ему было 19 лет. В ходе собеседования заявитель сообщил, что, хотя он и является гражданином Афганистана, он никогда не был в этой стране; что он страдает от депрессии и беспокойства; что у него «много проблем, поэтому он не может ясно мыслить»; что он был неграмотным, когда приехал в Швецию; что у его отца был рак, он должен был заботиться о своих родителях и это был для него непосильный труд; что ему никогда не разрешали посещать школу в Исламской Республике Иран; что дядя его отца был убит из-за междоусобицы за семейные земли; что семья его матери предупреждала ее не возвращаться, потому что в Афганистане ее жизнь была в опасности; и что дядя его матери по-прежнему является членом «Хизб-и-Ислами» и показал его фотографию с главарем этой организации; и что его брат совершил попытку самоубийства.

8.10 Объясняя свои убеждения, заявитель сказал, что из-за всех проблем с братом и отцом и чувства безнадежности, разочарования и депрессии он пошел в ближайшую церковь, чтобы помолиться, и люди в церкви выслушали историю его жизни и помолились за него. Это помогло ему почувствовать себя спокойнее, а чувство безнадежности и тревоги ушло. С того дня, как он стал христианином, ему стало легче на душе. Он не ходит в мечеть, потому что она ассоциируется у него с горем: он считает, что если бы ислам был мирной религией, то не было бы бесконечной войны и талибы не убивали бы людей. Ему не нравится, как талибы относятся к женщинам, и он добавил, что родственники его матери угрожали убить ее из-за ее работы в полиции в Афганистане. Христианство же, напротив, вселяет в него чувство радости — в церкви все были счастливы, ему нравится петь и молиться, Библия полна хороших советов и учит тому, как важно помогать людям. Он процитировал свои любимые отрывки из Библии и объяснил, что после крещения он как будто родился заново, что он готов умереть за христианство, как Иисус умер за своих последователей, и что он хотел бы посетить Вифлеем. Таким образом, он рассказал и о своих личных убеждениях, и о причинах их возникновения, и о своем личном восприятии различий между христианством и исламом.

8.11 Рассказ заявителя должен был послужить поводом для проведения индивидуальной психиатрической экспертизы, чтобы выяснить, не перенес ли он травму и не страдает ли психическими заболеваниями, которые могли бы повлиять на его способность дать четкие показания. Кроме того, ходатайство о предоставлении убежища должно было рассматриваться с учетом уровня образования и культурного развития заявителя, и уже на этой основе должны были быть выработаны ожидания относительно его способности излагать свои мысли и понимать сложные

¹³ УВКБ ООН, «Позиция в отношении возвращения в Афганистан», август 2021 года.

¹⁴ Swedish Migration Agency, “Information regarding the situation in Afghanistan” (последнее обновление 7 декабря 2021 года).

теологические концепции. Вместо этого был применен критерий уровня рациональности рассуждений, которой можно было объективно ожидать с учетом серьезности, с которой «вероотступничество» — это не было объяснено заявителю — рассматривается в Афганистане — стране, в которой он никогда не был.

8.12 Согласно записанному в решении, когда заявителя спросили, какие символы являются главными для христианства, он ответил «красный крест». Однако в стенограмме собеседования указано, что на самом деле был задан следующий вопрос: «Есть ли в христианстве что-то эквивалентное полумесяцу в исламе, что кажется вам важным?» Заявитель ответил: «Красный крест, помощь людям». Вопрос был поставлен крайне некорректно и не учитывал ни культурного контекста восприятия красного креста, имеющего косвенно христианские корни, ни того факта, что там, где вырос заявитель, Иранское общество Красного Полумесяца является точным эквивалентом Красного Креста¹⁵. В нем также не было учтено то, что ислам отвергает символизм и не имеет эквивалента христианскому кресту.

8.13 Кроме того, в решении приводится утверждение заявителя о том, что он знал, что готов к крещению, поскольку посещал все предварительные занятия. На самом деле, его спросили о том, как люди, крестившие его, узнали, что он готов, и он ответил, что они узнали, потому что он выполнил все необходимые условия. Это полностью меняет смысл в отношении его личного восприятия своего крещения и послужило основой для негативного решения по ходатайству заявителя.

8.14 Комитет отмечает, что власти уделили основное внимание, в частности, причинам обращения заявителя в христианство. Он также отмечает, что Шведское миграционное агентство в своем решении установило, что заявитель не смог развить свои доводы относительно своего обращения, и что его ответы были туманными, общими и не отражали того, что он пережил лично. Однако, несмотря на этот вывод, заявителю просто не разрешили представить устно дополнительную информацию. Комитет отмечает, что именно этой аргументации в основном придерживался Суд по миграционным делам, несмотря на особое мнение одного из судей, в котором она четко заявила, что сомнения суда, по всей видимости, связаны только с пробелами в знании Библии, что можно понять, учитывая образовательный и культурный уровень заявителя. Нет никаких указаний на то, что в обоих органах все доказательства были оценены в совокупности. Суд также отказался рассматривать угрозы смерти, полученные в результате распространения заявителем информации в социальных сетях о его религиозных убеждениях и связанной с ними деятельности, в качестве вновь открывшихся обстоятельств, которые могли бы стать препятствием для высылки. Даже если принять узкое определение новых обстоятельств в соответствии с национальным законодательством, эти угрозы были получены после того, как по ходатайству заявителя о предоставлении убежища было принято окончательное решение. Угрозы смерти были отклонены как дополнительная информация к вопросам, по которым уже приняты решения, без проведения на каком-либо этапе добросовестной оценки вероятности того, что его активность в социальных сетях может привести к опасности применения к нему пыток. Даже если предположить, что размещение в сети угроз смерти было подстроено, чтобы поддержать его ходатайство о предоставлении убежища, на что отсутствуют какие-либо указания, государство-участник обязано провести такую оценку.

8.15 В связи с этим Комитет отмечает, что государство-участник ни на одном из этапов процедуры не проанализировало фактическое или вероятное влияние активной деятельности заявителя в социальных сетях, где он размещал материалы явно христианского содержания, на риск, которому он может подвергнуться в Афганистане. Оно также не сочло, что поставленный после собеседования по существу ходатайства медицинский диагноз, который подтвердил, что в детстве заявитель пережил весьма травмирующее событие и продолжает испытывать серьезные проблемы с психическим здоровьем, является основанием для корректировки объективных ожиданий в отношении способности давать показания, несмотря на наличие четких указаний на

¹⁵ См. <http://en.rcs.ir/history-of-iranin-red-crescent>.

этот счет, либо для проведения оценки доступности медицинской помощи в Афганистане, о необходимости которой сообщил врач.

9. В свете вышеизложенного Комитет считает, что государство-участник не выполнило своей обязанности провести индивидуальную оценку личного и реального риска, которому заявитель может подвергнуться в Афганистане. Учитывая то, что показания заявителя были рассмотрены в отрыве от его культурного и образовательного уровня, не были получены независимые медицинские свидетельства для включения в оценку, доказательства не были рассмотрены во всей их совокупности, ответы заявителя представлены с искажениями, особенно с учетом того, что эти ответы были положены в основу оценки правдивости слов заявителя и последующего решения об отклонении его жалобы, Комитет делает вывод о том, что государство-участник не провело достаточной индивидуальной оценки предсказуемого, существующего, личного и реального риска того, что заявитель будет подвергнут пыткам в случае его депортации в Афганистан.

10. Комитет, действуя согласно пункту 7 статьи 22 Конвенции, приходит к выводу, что без такой оценки высылка автора в Афганистан будет представлять собой нарушение государством-участником статьи 3 Конвенции.

11. Комитет считает, что в соответствии со статьей 3 Конвенции государство-участник обязано пересмотреть ходатайство заявителя о предоставлении убежища в свете своих обязательств по Конвенции и настоящего решения и не осуществлять депортацию заявителя в период рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища.

12. В соответствии с правилом 118 (5) своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения информировать Комитет о мерах, принятых им по приведенным выше замечаниям.
